

- ¹¹ *Мейндорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С. 95; *Бларамберг И. Ф.* Статистическое обозрение Персии//Зап. Рус. геогр. о-ва. 1853. Кн. 7. С. 235; *Sonolly A.* Journey to the North India, Overland from England, through Russia, Persia and Afganistan. L., 1834. V. 1. P. 303; *Wolf J.* Travels and Adventures. L., 1961. P. 312.
- ¹² *Lazard G.* La Dialectologie du Judeo-Persien//Studies in Bibliography and Booklore. Cincinnati. 1968. V. 8. P. 77—98; *Jar Shater E.* The Jewish Communities of Persia and their Dialects//Memorial J. de Menasce. Leuven, 1974. P. 453—466.
- ¹³ *Ben-Zvi I.* The Exiled and the Redeemed. Jerusalem, 1976. P. 116—117.
- ¹⁴ *Фишел В.* Указ. раб. С. 56—62; *Нецер А.* Указ. раб. С. 135—148.
- ¹⁵ *Борнс А.* Путешествие в Бухару. Ч. 3. М., 1849. С. 359; *Wolff J.* A Mission to Bokhara in the Years 1843—1854. Washington, 1969. P. 113.
- ¹⁶ *Вамбери А.* Очерки жизни и нравов Востока. СПб., 1877. С. 280.
- ¹⁷ *Алиханов А.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883. С. 32; *Лессар П. М.* Юго-Западная Туркмения//Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 13. СПб., 1884. С. 20; Сообщение генерала Лемсдена в Королевском географическом обществе в Лондоне//Там же. Вып. 16. СПб., 1885, С. 246; *Неймарк Э.* Указ. раб. С. 101.
- ¹⁸ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 год. Асхабад. 1897. Ведомость Б.
- ¹⁹ *Лейви Д.* Указ. раб. С. 18.
- ²⁰ *Ховен Н. фон-дер.* Указ. раб. С. 468—469; *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84; *Матвеев А. М.* Зарубежные выходцы в Туркестане на путях к Великому Октябрю. Ташкент, 1977. С. 15.
- ²¹ Обзор Закаспийской области за 1906 г. Асхабад, 1907. С. 13; Обзор Закаспийской области за 1908 г. Асхабад, 1910. С. 6.
- ²² Правовое положение//Рассвет. 1910. № 29. С. 17.
- ²³ *Brauer E.* The Jews in Afganistan: an Anthropological Report//Jewish Social Studies. 1942. № 4. P. 121—138.
- ²⁴ *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84.
- ²⁵ *Лейви Д.* Указ. раб. С. 18; *Вайсенберг С. А.* Современные марраны. С. 81—84; *Бенари А.* Джедиды//Туркестанский курьер. 1910. № 195. С. 2.
- ²⁶ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. 1, Вып. 1—2. Ташкент, 1922. С. 40.
- ²⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVI. М., 1928. Табл. 6.
- ²⁸ Краткая Еврейская энциклопедия. Т. 2. Иерусалим, 1982. С. 449.
- ²⁹ *Зарубин И. И.* Указ. раб. С. 183.

Jews from Meshhed and Gerat in Central Asia

The ethnic history and modern ethnic development of one of insufficiently known small ethnic groups in Central Asia — farsi-speaking Jews migrated in 19 and early 20 century from Meshhed and Gerat is considered. The author analyzes migration process, their settling in Central Asia, the specific features of traditional culture, language peculiarities, traits of demography behavior and the relations of descibal group with surrounding ethnically alien people and more numerous Bukhara Jews.

M. S. Kupovetsky

© 1992 г., ЭО, № 5

А. С. Балезин

НЕМЕЦКАЯ ОБЩИНА В НАМИБИИ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СУБЭТНОСА (по материалам полевых исследований)

События последних лет, происходящие в мире, лишней раз показывают важность разработки этнических проблем. В этом смысле, думается, небезынтересен и опыт Намибии — бывшей Юго-Западной Африки, самого молодого независимого государства на Черном континенте. Положение там немецкой общины связано с вопросами формирования многорасового общества, национальных меньшинств, иммигрантов — вопросами, имеющими сегодня далеко не

только теоретический интерес во многих местах нашей планеты. Предлагаемая на суд читателя статья — результат моей работы в Намибии, где, не будучи профессиональным этнографом, но занимаясь историей немецкой общины, я не мог обойти этнические аспекты проблемы и дважды — в Виндхукке и Свакопмунде — проводил анкетирование немцев, живущих в этих важнейших городах страны.

Немецкая община в Намибии — довольно заметный фактор в современной жизни страны. Она является важной и в то же время достаточно автономной частью белой общины в Намибии. Из общего числа белых в 80 тыс. человек в середине 80-х годов немцы составляли около 20 тыс.¹ Численно община немцев в Намибии — вторая по величине в субсахарской Африке после ЮАР (40 тыс. чел.), однако доля ее во всем населении страны в Намибии несравненно выше — на середину 80-х годов численность населения ЮАР составляла 30 802 тыс. человек, а Намибии — 1078 тыс. человек², что дает соответственно 0,13 и 1,86%. Но дело даже не в том, что доля немцев Намибии по сравнению с ЮАР в 14 раз больше, а в главном качественном отличии: между 1883 и 1915 гг. немцы были хозяевами в колонии, называвшейся тогда Юго-Западной Африкой (ЮЗА). Соответственно иным было и их положение там.

В истории формирования немецкой общины в Юго-Западной Африке/Намибии можно выделить несколько этапов. Начало — можно считать с создания в 1814 г. И.-Г. Шмеленом миссионерской станции в Бетани. С 1814 по 1883 г. немецких миссионеров в ЮЗА было немного (с 1840 г. их постепенно становилось все больше — они стали представлять собственно немецкое Рейнское миссионерское общество). Однако это были именно поселенцы: они жили в стране по многу лет, как правило, с семьями, имели широкие контакты с автохтонным населением, вели хозяйство в условиях засушливого климата и научились к нему приспосабливаться. Миссионерам принадлежит несомненная заслуга в изучении основных языков автохтонных народов центра и юга ЮЗА — гереро и нама. Они проповедовали на этих языках и переводили на них священные книги христианства. Более того, миссионеры познакомили местных жителей с языком, культурой и бытом своей родины, внося изменения в жизнь и обычаи своей паствы. Самым ярким примером деятельности миссионеров в этом смысле служит феномен, известный этнографам как «традиционная женская одежда гереро»: это длинное и пышное викторианское платье, которое женщины гереро надевают по торжественным случаям до сих пор, целиком скопировано с туалетов миссионерских жен и дополнено головным платком, имитировавшим действительно традиционный женский головной убор. Миссионеры постепенно стали важным фактором и в политической жизни народов ЮЗА, оказывая свое влияние на взаимоотношения между гереро и нама³. Они выучили и язык, ставший в прошлом веке *lingua franca* на территории ЮЗА — ныне его называют африкаанс, а тогда это был «кейп датч» (капско-голландский).

Первый этап в формировании собственно поселенческой общины немцев в Юго-Западной Африке совпадает по времени с годами германского протектората: 1883—1915 гг. Он ведет свое начало от первых земельных приобретений А. Людерица, однако рубежом был 1889 г., когда в ЮЗА прибыли первые германские солдаты во главе с гауптманом Куртом фон Франсуа, считающимся создателем протектората. Они заложили фундамент военного и гражданского строительства, кроме того, большинство из них — 26 из 32 — остались по окончании срока службы в стране в качестве фермеров и торговцев⁴. Вообще солдаты, имевшие ряд льгот при покупке земли, становились одним из главнейших источников пополнения рядов немецких поселенцев в ЮЗА. К 1913 г., последнему мирному году, в ЮЗА жило уже 12 292 немца из общего числа белых — 14 830 человек. Вот что они представляли собой в социально-профессиональном плане (статистика учитывает только белых мужчин, которых было 8530 человек, подавляющее большинство из них составляли немцы): чиновников — 876, солдат и офицеров — 1819, фермеров — 1587, инженеров и техников — 243, ремесленников и рабочих —

2093, торговцев — 984, лиц духовного звания — 82, врачей — 19, адвокатов — 15, учителей — 23, кроме того, 16 учительниц⁵. Эти данные свидетельствуют о том, что немецкая община к концу германского протектората в ЮЗА проявила себя во всех основных сферах человеческой деятельности. Именно в этот период были построены основные города и действующие и поныне железные дороги, созданы прекрасные фермы, короче, заложены основы экономики современной Намибии.

Второй период формирования немецкой общины приходится на 1915—1945 г. В 1915 г. ЮЗА была захвачена войсками Южно-Африканского Союза (ЮАС) и с тех пор до самого провозглашения независимой Республики Намибия в 1990 г. управлялась ЮАС (с 1961 г. — ЮАР). Этот период ограничен хронологически двумя интернированиями немцев — в ходе первой, а затем второй мировой войны. В эти годы, когда немцы из хозяев колонии превратились в подчиненное белое меньшинство (причем на территории, дважды становившейся в ряд враждебных Германии держав), когда их объявляли вследствие этого врагами, депортировали из ЮЗА в Германию, немецкая община сумела не только не исчезнуть, но даже сохраниться и укрепиться. Несмотря на то что в 1919 г. было репатрировано в Германию 6374 человека⁶, т. е. более половины всех немцев, части из них власти ЮАС довольно быстро разрешили вернуться, и к февралю 1922 г. вернулись около 1184 человек⁷. За счет притока белых — буров и англоафриканцев — из ЮАС доля немцев в белой общине все же значительно упала. Тем не менее, когда в середине 20-х годов прошла натурализация немцев, дававшая им возможность автоматически получить гражданство ЮАС (т. е. Британской империи), то к концу 1926 г. из 24 115 белых в ЮЗА таких натурализованных немцев было 7193 плюс 1707 граждан Германии⁸. В конце 20-х годов в связи с Великой депрессией приток немцев в ЮЗА из Германии уменьшился, но к середине 30-х годов снова возрос, причем активное участие в этом процессе приняла организация, объединявшая немцев в ЮЗА, — Германский союз. В результате к 1936 г. при переписи белого населения немецкий язык общения назвали 9632 человека — около трети белого населения Юго-Западной Африки. Из них немецкое гражданство сохраняли 1717 мужчин и 1549 женщин. Кроме того, 11 граждан Германии назвали языком общения африкаанс, а 9 — английский⁹, что косвенно указывает на определенную долю смешанных браков даже у граждан рейха.

С началом второй мировой войны немцы, в том числе натурализованные, вновь оказались врагами ЮАС, и немецкие мужчины призывных возрастов — не только граждане рейха, но и часть натурализованных — были интернированы. Интернированные содержались на территории ЮАС и были отпущены лишь в 1946 г. А в 1942 г. был принят закон, по которому все те, кто был натурализован в ЮЗА в середине 20-х годов, а также их дети, разведенные супруги, вдовы и вдовцы были лишены гражданства Британии. Так, новыми лишениями и репрессиями закончился второй этап формирования немецкой общины в ЮЗА.

Третий этап охватывает период, начавшийся после второй мировой войны и закончившийся с провозглашением независимости Намибии в 1990 г. Начался он для немецкой общины довольно мрачно: в 1946 г. правительство ЮАС создало комиссию по изучению немцев с точки зрения опасности возрождения национал-социализма (НСДАП была запрещена в ЮЗА в 1934 г.), и комиссия эта рекомендовала выслать из страны 254 человека, из них 197 — из ЮЗА¹⁰. Однако эти решения не были выполнены: с приходом в 1948 г. в ЮАС к власти Националистической партии все подготовленные указы о репрессивных мерах против немцев были отменены. Более того, в следующем, 1949 г. был издан ряд законов, по которым лишение гражданства натурализованных некогда немцев было отменено, а их дети, рожденные с тех пор в ЮЗА, получали гражданство ЮАС по праву рождения (с 1949 г. ЮАС в ряду нескольких английских доминионов получил собственный статус гражданства). В результате уже в том же году 60% немцев, лишенных гражданства в 1942 г., вновь обрели его¹¹.

С этого времени начинается возрождение немецкой общины в ЮЗА и ее новый численный рост, причем весьма значительный. По некоторым данным, к середине 70-х годов, т. е. за три десятилетия после окончания второй мировой войны, в ЮЗА въехали около 20 тысяч немцев¹². Мне не удалось найти какую-либо статистику о социально-профессиональном составе этой третьей волны немцев-иммигрантов. Однако по ряду косвенных данных можно предположить, что он отличается как от первой, так и от второй волны. Если в первой волне преобладали военные и чиновники, а также фермеры, ремесленники и рабочие, то затем, в межвоенный период, значительную часть составляли люди, занимавшиеся в работники на немецкие фермы. Третья же волна в связи с общемировым ростом доли лиц интеллектуального труда состояла в большей степени именно из лиц интеллигентных профессий. Это видно даже среди опрошенных мной в ходе личных контактов представителей немецкой общины. И если доля лиц из третьей волны иммиграции (менее одной трети) среди моих знакомых не может быть репрезентативной, то их профессиональный состав вполне отражает имеющиеся реалии.

Прежде всего в этой группе не обнаружено фермеров, так как основа немецкого фермерства была заложена в первый период формирования немецкой общины, в дальнейшем же остававшиеся свободными земли распределялись в основном среди африканеров и англоафриканцев. Однако из 10 человек две женщины все же стали женами фермеров: причем если одна из них не имела в Германии никакой профессии, то другая была доктором биологии. Остальные — четыре женщины и четверо мужчин — представляют в социально-профессиональном отношении следующую картину: ученых — двое, библиотекарь — один, учитель — один, булочник — один, журналист — один, университетский преподаватель — один, медсестра — одна. Как видим, и в послевоенные годы налицо нехватка женщин немецкого происхождения в ЮЗА/Намибии, с одной стороны, и стремление женщин из Германии найти свою судьбу в далекой африканской («но такой немецкой»), как утверждают многочисленные германоязычные рекламы) стране — с другой.

Заканчивая краткий обзор этапов формирования немецкой общины в Намибии, следует сказать, что с провозглашением независимости, очевидно, можно говорить о начале нового этапа и в истории немецкой общины. С одной стороны, выражаются опасения в ее будущем и наблюдаются настроения покинуть страну — это чаще всего характерно для представителей третьей волны, еще не успевших укорениться в Намибии и забыть свою родину. С другой — наблюдается очень интересное явление: возвращение в Намибию детей активистов СВАПО, живших в ГДР. Их насчитывается, по некоторым данным, до трехсот. Причем они, как правило, не хотят и не могут жить в семьях своих родителей-африканцев, не зная языка и обычаев своих народов. Воспитанные в немецкой традиции и культуре (в ее восточногерманском варианте), они значительно легче адаптируются в немецкой среде. Их направляют учиться в немецкие школы в Намибии, а жить — по возможности в немецкие семьи. Своеобразным символом этого явления (заслуживающего, безусловно, специальных и серьезных исследований) стала передававшаяся из уст в уста фраза одной из таких «черных немок» своей подруге при виде группки бедно одетых малышей-африканцев. Указывая на них пальцем, на чистом немецком языке она произнесла: «Посмотри-ка, ну прямо как турки у нас там (т. е. в Германии. — А. Б.)!».

Что же представляют собой сегодня немцы Намибии в этническом отношении? Ясно, что немецкая община в этой стране — результат «этнического разделения» — одного из двух основных типов этнических процессов, выделяемых нашими этнографами¹³.

Следует иметь в виду, что в условиях складывания намибийской нации (которой пока еще нет в самом молодом государстве Африки) немецкая община неизбежно будет участвовать в этом.

По мнению ряда отечественных этнографов, одним из важнейших, если не

важнейшим этническим признаком является этническое самосознание, которое М. В. Крюков называет «результантой прочих этнических признаков»¹⁴. О связи этнических процессов и этнического самосознания В. И. Козлов пишет так: «Основным критерием для выделения собственно этнических процессов... является... изменение главного этнического определителя — этнического самосознания, выражающееся в постепенной замене чувства принадлежности к одной этнической общности чувством принадлежности к другой»¹⁵.

В этом смысле интересно проследить за эволюцией этнического самосознания немецкой общины в ЮЗА/Намибии на протяжении всех этапов ее формирования. Автор единственного исследования на эту тему К. Рюдигер (работа на степень лиценциата в Цюрихском университете) утверждает, что этническое самосознание немецкой общины в ЮЗА начало формироваться «после отделения в 20-х годах от германского отечества»¹⁶. К выводам Рюдигера мы еще вернемся, однако данное утверждение его в значительной степени справедливо. Действительно, немцы в ЮЗА в годы германского протектората все же ощущали себя частью Германской империи и если воспринимали себя как нечто особое, то все же в рамках принадлежности к этой империи. После войны, однако, появилось несколько факторов, заставивших немцев в ЮЗА осознать свою «особость»: это и резкое изменение их положения в стране вплоть до интернирования, и принятие нового гражданства — гражданства страны, победившей Германию в союзе с другими, и постоянная борьба за выживание немецкого языка и немецкой культуры. В межвоенный период тон в немецкой общине задавали явно «старые африканцы» — ветераны колониальных войн, и идеалом для немцев в ЮЗА было их колониальное прошлое в этой стране. Отсюда множество организаций, занимавшихся розыском и сохранением реликвий этого прошлого: «Союз немецких следопытов», «Союз старых воинов» и пр. С 1927 г. в Виндхуке выходит журнал «Всадник Юго-Запада», цель которого, как говорилось в передовой статье, «рассказывать о старой и новой родине», о пионерах германской колонизации ЮЗА, которые характеризовались как «соль земли». Передовая заканчивается словами: «Всадник, мой всадник! Неси любовь в сердца твоих друзей. Любовь к нашей старой немецкой культуре, любовь к нашей великой новой родине — Юго-Западной Африке»¹⁷.

Тут о ЮЗА говорилось уже как о новой родине, и немецкая община мыслила себя отдельно от Германии. Об этом же свидетельствует множество песен, сложенных в межвоенный период немцами в ЮЗА, где ЮЗА называют «новой родиной» и призывают «учить детей уважать родину», для чего петь им «африканские колыбельные». Одна из песен, сочиненная, как и предыдущая, в 1929 г., так и называется — «Моя родина Юго-Запад», в ней приносится клятва ЮЗА на верность, несмотря на то, что как германская земля она потеряна¹⁸.

К. Рюдигер считает, что в 30-е годы для немецкой общины в ЮЗА было характерно стремление «вновь присоединиться к третьему рейху», т. е. идея о безусловной принадлежности к германской нации как ее составной части¹⁹. Думается, что такая точка зрения вряд ли справедлива. На это указывает хотя бы тот факт, что (согласно моим собственным подсчетам по архивным документам, конфискованным в 1934 г. после запрета НСДАП в ЮЗА) официально накануне запрета в фашистской партии насчитывалось 996 человек, и все они по положению должны были быть гражданами рейха²⁰. Что же касается большинства немецкой общины, т. е. натурализованных немцев, то об их симпатиях и антипатиях судить трудно. С одной стороны, Германский союз, возникший еще в 1924 г., активно сотрудничал с НСДАП в ЮЗА, с другой — сыграл огромную роль в стимулировании нового притока немцев в ЮЗА, часть из которых бежала и от фашизма. В 1937 г. была написана песня, служившая более полувека гимном немцев в ЮЗА — «Песня немецкоязычных жителей Юго-Запада». Припев у этой песни такой: «И если нас спросят, что нас здесь держит, мы можем только сказать: „Мы любим Юго-Запад“». Любопытно, что автор этой песни Х. Кляйн-Вернер в одном

интервью сказал, что ему хотелось создать песню «не о германской романтике, которую не знает молодежь, выросшая в ЮЗА, а об их новой прекрасной стране»²¹. Как видим, пафос этой песни именно в воспевании новой романтики ЮЗА, отходе от восхваления исторической родины.

Тогда же, видимо, в обиход окончательно вошел термин «житель Юго-Запада», обозначающий немецкоязычного жителя ЮЗА. «Юго-Западом» страну называли кратко еще в годы протектората, но жители ее из числа немцев все же считали себя, как уже говорилось, немцами. Лишение же их гражданства Германии, вернее, смена его на гражданство ЮАС, заставила искать новые термины для самоопределения.

После второй мировой войны бывшие солдаты и офицеры немецкой «шутц-трuppe» (охранной части) сделали попытку возродить ценностные ориентиры своего поколения и навязать их иммигрантам новой волны. В 1953 г. они организовали «Союз старых товарищей», проводивший различные акции в честь славных, с их точки зрения, событий, случившихся в годы протектората: отмечались, например, юбилейные даты битвы при Ватерберхе в 1904 г. (когда восставшим гереро было нанесено поражение), или годовщины установления в 1912 г. памятника немецкому всаднику (в память немцев, погибших в борьбе с восставшими против них африканцами)²². Однако несмотря на то что памятник немецкому всаднику до сих пор остается своеобразным историческим символом для всех выходцев из Германии, время уже тогда требовало новых идей для их объединения.

Этими новыми объединяющими факторами стали поиски своего места в оживившейся политической борьбе вокруг вопроса о независимости и будущем устройстве Намибии и желание сохраниться и заявить о себе как едином целом. Организационно эти устремления оформились в виде созданного в 1977 г. «Общества интересов немецкоязычных жителей Юго-Запада», задачи которого характеризовались как «политические и культурные, языковые и публицистические»²³. Главным же было сохранение и упрочение прав немецкой общины как таковой, обоснованных и исторически, для чего общество предприняло ряд публикаций. Особо следует отметить две — книгу доктора юриспруденции и активиста общества В. Бертельсманна «Немецкоязычная группа населения в Юго-Западной Африке в политике и праве с 1915 г.», вышедшую в 1977 г.²⁴, и коллективный труд «От протектората до Намибии. 1884—1984»²⁵, приуроченный к 100-летию германского протектората в стране и показывающий вклад немцев в самые различные сферы жизни страны, а также (что очень важно и характерно для времени выхода книги — 1984 г.!) взгляды на немцев и их роль в стране других этнических и расовых групп, в том числе, естественно, черных намибийцев. Политическая же партия на чисто немецкой этнической основе создана не была, большинство немцев поддерживали партию Демократический альянс Турнхале (ДАТ), в которую входили представители различных этнорасовых групп. «Общество интересов немецкоязычных жителей Юго-Запада» существует и поныне, но деятельность его зачахла. ДАТ же остается главной оппозиционной партией.

Как же ощущают себя немцы в сегодняшней Намибии? Ответ на этот вопрос в какой-то мере могут дать результаты проведенного мной анкетирования в городах Свакопмунд и Виндхук. Анкетирование проводилось среди представителей немецкой общины, собравшихся на мои лекции в том и другом городе. В Свакопмунде его результаты можно считать достаточно репрезентативными, так как собрались практически все активно действующие представители немецкой общины в этом городе и на близлежащих фермах, в какой-то мере это относится и к Виндхуку. В Свакопмунде к тому же среди опрошенных были и представители молодого поколения, практически не представленные в материалах Виндхука. Вообще надо сказать, что в Свакопмунде немецкая община доминирует до сих пор — в центральных кварталах города преобладает немецкая речь, так как большинство собственников магазинов, аптек и др. — немцы. (Роль немецкой

общины в Свакопмунде была мне продемонстрирована, когда меня представляли руководству местного «Общества научного развития», чьим гостем я был. В него входят крупные бизнесмены, владельцы крупнейших магазинов и даже бургомистр города, являющийся, кстати сказать, совладельцем крупной торговой фирмы). В Виндхукке немецкая община видна не столь четко, она как бы «растворена» среди африканеров и англоафриканцев.

Респондентов и в Виндхукке, и Свакопмунде было по 34, т. е. в обоих случаях около 70% присутствовавших согласились дать ответы на предложенный вопросник.

Изложенная выше история формирования немецкой общины в Юго-Западной Африке/Намибии дает основание полагать, что на формирование самосознания ее представителей значительное влияние должна оказывать принадлежность к тому или иному поколению иммигрантов. Оказалось, что среди респондентов 44,12% являются уроженцами страны, а 55,88% въехали в страну. Практически все въехавшие — представители третьей волны немецкой иммиграции, и полученный процент отражает тот факт, что эта волна дала около половины всей сегодняшней немецкой общины Намибии. Правда, в Свакопмунде, где немецкая община более устойчива, это соотношение составляет ровно 50 на 50%.

Среди опрошенных уроженцев страны представителей второго поколения иммигрантов, т. е. тех, у кого въехали в ЮЗА родители, было 56,67% (17 человек), 23,33% — третьего поколения иммигрантов, т. е. тех, у кого в страну въехали бабки и деды. Более того, 10% опрошенных являются жителями страны уже в четвертом поколении, т. е. в ЮЗА въехали их прадеды. Однако браки заключались между представителями разных волн немецких иммигрантов хотя бы потому, что в стране хронически не хватало немецких женщин. Так, у 10% респондентов один родитель принадлежал к числу въехавших в страну, а второй — к уроженцам страны, детям иммигрантов.

Критическим для выяснения вопроса об этническом самосознании представителей немецкой общины в Намибии был предложенный респондентам пункт анкеты «Кем Вы считаете себя» с тремя вариантами ответов (выявленными в ходе предварительных бесед): «немцем», «немецкоговорящим жителем Юго-Запада» и, наконец, «намибийцем». Ответы распределились следующим образом: «немцем» — 20,6% (14 человек), «немецкоязычным жителем Юго-Запада» — 52,96% (36 человек), «намибийцем» — 7,35% (5 человек). Однако для некоторых респондентов этот выбор не был прост или, во всяком случае, однозначен. Так, довольно высокий процент — 13,24%, или 9 человек, выбрали одновременно второй и третий варианты ответа. По одному человеку (1,47%) тоже дали двойственный ответ, но в других вариантах: «немец и намибиец одновременно» и «немецкоязычный намибиец». Наконец, один человек вообще затруднился дать ответ, что тоже нельзя не учитывать.

В ходе предварительных бесед с представителями немецкой общины мне удалось установить, что в этническом самосознании уроженцев страны и поселенцев в первом поколении все же имеются значительные различия. Если первые прошли через натурализации и лишения гражданства, выросли корнями в новую родину и зачастую даже никогда не видели своей исторической родины, то вторые часто сохраняют и немецкое (или двойное) гражданство, и более тесные связи с Германией. Поэтому от первых мне часто приходилось слышать высказывания типа «Моя родина — здесь, а Германия — лишь страна, где говорят на моем родном языке». Вторые же, наоборот, высказывались примерно так: «Ну что ж, если мне тут будет плохо (опасения перед африканизацией кадров, проходящей в стране, возможной земельной реформой и пр.), я уеду домой, в Германию».

Мне показалось интересным посмотреть, как будет статистически выглядеть ответ на вопрос об этнической принадлежности отдельно по группам уроженцев страны и тех, кто в нее въехал. Ответы распределились таким образом:

	Уроженцы		Въехавшие	
	%	чел.	%	чел.
Считают себя				
немцами	6,67	(2)	31,58	(12)
немецкоязычными жителями Юго-Запада	63,33	(19)	44,74	(17)
намибийцами	13,33	(4)	2,63	(1)
одновременно немецкоязычными жителями Юго-Запада и намибийцами	13,33	(4)	13,16	(5)

Затруднившийся ответить на этот вопрос относился к группе уроженцев, а лица, давшие другие двойственные варианты ответа — «немецкоязычный намибиец», «немец и намибиец», и еще один, практически сводимый к предыдущему — «между двумя мирами», — к группе въехавших. Таким образом, двойственность этнического самосознания, отмечаемая этнографами как характерная для иммигрантских групп²⁶, присуща части как родившихся в стране, так и въехавших в нее немцев.

Еще один вопрос анкеты, который должен был прояснить проблему этнического самосознания немецкой общины в Намибии, был сформулирован так: «Считаете ли Вы, что немцы, живущие в Намибии, имеют определенные отличия от немцев, живущих в Германии?». Положительный ответ на этот вопрос дали 94,12% респондентов (64 человека), отрицательный — 4,41% (3 человека), и только один человек затруднился ответить. По группам уроженцев и въехавших ответы распределились следующим образом:

	Уроженцы		Въехавшие	
	%	чел.	%	чел.
«Есть отличия»	93,33	(28)	94,74	(36)
«Нет отличий»	3,37	(1)	5,26	(2)
«Затрудняюсь»	3,37	(1)	—	

Более сложным для респондентов оказался вопрос, в котором эти отличия, если они есть, было предложено вкратце сформулировать. Большинство — 73,53% (50 человек) смогли это сделать, но 26,47% (18 человек) — не смогли. Процентное соотношение тут среди родившихся в ЮЗА/Намибии и въехавших в страну немцев оказалось примерно одинаковым: соответственно 76,67 на 23,33 и 71,05 на 28,95%.

Интересно то, как сформулировали эти отличия респонденты. Ответы были разными как по глубине, так и по объему. Кто-то ограничился двумя словами, кто-то написал целое исследование в несколько строк.

Самым характерным признаком, отличающим «немецкоязычных жителей Юго-Запада» от немцев, живущих в Германии, судя по ответам респондентов, является их консерватизм. Такой ответ дали 22,06% всех опрошенных (5 в Свакопмунде — 14,71% и 10 в Виндхукке — 29,41%). По группам въехавших и уроженцев процентное соотношение выглядит соответственно 18,42 и 26,67%. Тут, вероятно, следует дать некоторое пояснение. Слово «консервативный» на Западе вообще и в Намибии в частности не имеет такого явно и однозначно негативного смысла, к которому за многие годы привыкли мы у себя в стране. Для намибийского контекста применительно к немецкой общине оно скорее всего означает приверженность к идеалам кайзеровской Германии — в символике, культурных пристрастиях и пр. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что для первопоселенцев из Германии — «старых африканцев» Германия осталась такой, какой они ее покинули в кайзеровские времена. Именно такой образ Германии они и передают в наследство своим потомкам. Поэтому все связанные с ним представления в настоящее время как бы перешли в область идеального прошлого, не имеющего какого-нибудь реального отношения к дню сегодняшнему. В самом

деле, портрет кайзера, висящий в том или ином немецком доме в Намибии, вряд ли означает, что хозяева всерьез желали бы кайзера для сегодняшней Германии и уж тем более для сегодняшней Намибии.

Правда, понятие «консерватизм» в сегодняшней Намибии для немецкой общины может иметь еще не одно значение. В политическом смысле тут может подразумеваться отношение к черным согражданам вообще и к режиму СВАПО в частности. И тут современная ситуация, в частности то, что часть немцев осознают себя намибийцами, отражает реалии самого последнего времени — необходимость признания существующего положения вещей и поисков своего места в новой независимой стране. Об этом свидетельствовало множество высказываний намибийских немцев в частных беседах со мной.

Итак, в этническом самосознании немецкой общины в Намибии главным признаком, отличающим ее членов от немцев Германии, явилось понятие из политико-культурной области — «консерватизм». Таким образом, на первый план выдвинулся компонент, отнесенный М. В. Крюковым к разряду «субъективных, не являющихся отражением объективных признаков этноса», «отражающих этноформирующие факторы». О таких признаках М. В. Крюков пишет, что в этническом самосознании на первый план могут выдвигаться на разных этапах разные из них²⁷. А что же язык — элемент, в котором, по мнению М. В. Крюкова, этническое самосознание отражается наиболее адекватно?

Язык как основное отличие «немецкоязычных жителей Юго-Запада» отметили пять человек — 7,35% от общего количества опрошенных. Интересно, что это отличие бросается в глаза в первую очередь вновь прибывающим в страну немцам — среди отметивших язык как основное отличие четверо, т. е. 80% — иммигранты в первом поколении. Действительно, язык немцев, родившихся здесь, имеет определенные отличия от литературного немецкого или его разговорных германских вариантов. Однако лингвисты, исследовавшие его в самой Намибии, не считают его диалектом. Так, М. Пютц из Дуйсбургского университета (Германия) отмечает устойчивость немецкого языка и выделяет основные сферы его сохранения в общезыковой ситуации страны²⁸, однако не называет его ни языком, ни диалектом (правда, нечеткость грани между языком и диалектом подчеркивается этнографами²⁹). А заведующий отделением германистики Виндхукского университета Ф. Гретшель считает, что язык немцев в Намибии настолько сильно пропитан заимствованиями из английского и африкаанс, а также из африканских языков, что «существует угроза его постепенного превращения в смесь языков, означающая начало его конца как языка»³⁰. Таким образом, Ф. Гретшель практически отказывает «юго-западному немецкому» в самостоятельности и устойчивости как языку или диалекту, во всяком случае в тенденции.

Общность культуры этнографы считают одним из важнейших факторов этнического самосознания³¹. На культурные отличия как на главные или даже единственные указали в своих ответах так или иначе пять респондентов, т. е. 7,35% опрошенных или 10% сумевших сформулировать ответ на этот вопрос. Интересно, что трое давших такой ответ из числа уроженцев Намибии сформулировали эти культурные отличия более подробно, но мнения разделились. Двое считают, что немцы в Намибии «создали собственную культуру, приспособленную к местным условиям». Оставшийся в меньшинстве уроженец ЮЗА, наоборот, считает, что немецкая община сохранила культуру, связанную со старогерманской. К этому ответу по сути примыкают два таких: «Мы похожи на немцев до 1920 г.» и «Мы — настоящие немцы». Правда, три последних варианта ответа также можно свести к понятию «консерватизм».

Другие отличия немцев Намибии от немцев Германии, указанные респондентами (независимо от того, родились они в Намибии или иммигранты в первом поколении), как правило, однозначно положительные. Так, по пять человек (по 10% давших ответ) отметили такие качества представителей немецкой общины, как «большая естественность» и «меньшая материалистичность». Два респондента

отметили качество, принадлежащее к этому же ряду, — «большая связанность с природой». Еще одно качество этого ряда — «привычка к большому пространству» — отмечено четырьмя респондентами (8% давших ответы). По три человека считают, что немцы в Намибии «более великодушны» и «более гостеприимны», чем в самой Германии. По одному человеку отметили такие отличия, как «менее честолюбивы», «менее эгоистичны», «более самостоятельны», «более интернациональны». Преобладание положительных характеристик немцев — жителей Намибии по сравнению с населением исторической родины неудивительно, если вспомнить, что большинство даже иммигрантов в первом поколении уже причисляют себя именно к местной немецкой общине, а не к населению покинутой родины, — кто же скажет о себе плохо?

Были, однако, и общие, нейтральные ответы: «другое развитие» — двое, «другой менталитет» — трое, «другой образ жизни» — трое. Однако интересно и то, что были характеристики отрицательные, правда, достаточно мягкие и редкие. Все они, как ни странно, принадлежат уроженцам Намибии, т. е. самокритичны. Правда, в двух случаях из трех они смягчены положительными чертами. Так, один респондент отмечает, что немцы в Намибии «более провинциальны», но зато «более интернациональны в отношениях с другими расами». Другой респондент отметил, что немцы в Намибии «хуже информированы, но более доверчивы и естественны». И только один респондент дал подчеркнуто негативное отличие: «к сожалению, правее в национальном смысле» (имея в виду, очевидно, отношение к черным согражданам).

Однако нельзя забывать, что подчеркивание положительных отличий немецкой общины в Намибии от жителей ее исторической родины одновременно подразумевает, что последние этих положительных качеств лишены или во всяком случае не обладают ими в такой степени, как первые. Однако были случаи, когда это не подразумевалось, а открыто подчеркивалось: в одном случае: «мы не так честолюбивы, как немцы», и еще в одном — «немцы более материалистичны». Оба этих ответа даны поселенцами в первом поколении. Еще один ответ, где прямо критикуются немцы — граждане Германии, дан уроженцем Намибии: «Немцы слишком часто сравнивают наши местные условия с немецкими». Был и один такой ответ: «Здесь (немцы. — А. Б.) менее политичны, наивны, но более сердечны и гостеприимны». (Вообще следует сказать, что мягкость взаимной критики отражает тот факт, что немецкая община в Намибии сохраняет связи с исторической родиной; многие ездят в Германию или обучают в тамошних вузах своих детей, а главное, легко принимают в свои ряды новопоселенцев).

Что же можно сказать о немецкой общине в Намибии с точки зрения этнографической — к какому типу этнических общностей можно было бы ее отнести? Автор единственного пока исследования на эту тему (есть сведения о готовящейся в данный момент публикации работы другого немецкого автора о немцах в ЮЗА накануне независимости) А. Рюдигер говорит о «национализме» и «национальном самосознании немецкоязычных жителей Юго-Запада», выросшем «не из копирования и консервации» традиционных ценностей кайзеровской Германии, а наоборот, «из отграничения от Германии, пораженной декадентством, бюрократизмом и узостью»³².

Однако автор противоречит сам себе, выделяя такие признаки наличия «национализма» жителей Юго-Запада, как собственный национальный памятник (немецкий всадник), собственный национальный гимн (песня жителей Юго-Запада), собственный национальный герой (солдат «шутцтруппе» и пионер-первопоселенец)³³. Противоречие состоит, конечно, не в перечислении указанных признаков, служивших, как показано и в данной статье, факторами формирования этнического самосознания немецкой общины, а в самом их наборе, как раз напрямую связанном именно с идеалом кайзеровской колониальной империи.

В советской этнографической науке проблема нацменьшинств — иммигрантов разработана в основном применительно к развитым странам, в которые въезжают

представители развивающихся, а не наоборот³⁴. Правда, этой проблематики именно в отношении белых меньшинств неизбежно касались историки-африканисты³⁵. Думается, что настает время для более трезвой и взвешенной оценки исторической роли белых на Черном континенте.

Возвращаясь к этнографическим аспектам проблемы, следует сказать, что немецкую общину в Намибии следовало бы определить как субэтнос — понятие, широко употребляемое в последние годы отечественными этнографами. Определение, данное субэтносу в одной из последних обобщающих работ, включает в себе практически все перечисленные выше особенности немецкой общины в Намибии. Вот оно: «Территориальные части народности или нации, отличающиеся локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие, или говор, особенности материальной и духовной культуры, религиозные различия и т. д.), имеющие иногда самоназвание и как бы двойственное самосознание, предложено именовать субэтносами»³⁶.

Добавить к этому нечего — пожалуй, только о религии. Тут как раз имело место не отличие, а сходство с исторической родиной, и именно сохранение своей религии — лютеранства было многие годы важным фактором этнической консолидации немецкой общины, окруженной иноконфессиональными группами.

Говоря об исторической судьбе немецкой общины в Намибии, следует, видимо, признать, что у нее есть те же перспективы, что выделены А. П. Павленко для европейских иммигрантов в Великобритании: «полное и окончательное растворение», «плавильный котел» и «культурный плюрализм». Думается, что последний вариант, под которым понимается «сохранение культурного многообразия при условии взаимного уважения и сотрудничества этнических групп»³⁷, является наиболее вероятным и наиболее предпочтительным для немецкой общины в Намибии.

Примечания

- ¹ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 529.
- ² Там же. С. 529, 576.
- ³ См., например, Lau B. Southern and Central Namibia in Jonker Afrikaner's Time. Windhoek, 1987. S. 76—86.
- ⁴ François C. von. Deutsch-Südwest-Afrika. Geschichte der Kolonisation bis zum Ausbruch des Krieges mit Witbooi. B. 1899. S. 127.
- ⁵ Jahresbericht über die Entwicklung der deutschen Schutzgebiete in Jahre 1912/1913. B., 1914. S. 24—25, 70.
- ⁶ Report of the Administration of South West Africa for 1919. Pretoria, 1920. P. 4.
- ⁷ Bertelsmann W. Die deutsche Sprachgruppe Südwestafrikas in Politik und Recht seit 1915. Windhoek, 1979. S. 16—17.
- ⁸ Report of the Administration of South West Africa for 1926. Pretoria, 1927. P. 21, 25.
- ⁹ Report Presented by the Government of the Union of South Africa to the Council of the League of Nations Concerning the Administration of South West Africa for the Year 1936. Pretoria, 1937. P. 142.
- ¹⁰ Bertelsmann W. Op. cit. S. 69.
- ¹¹ Ibid. S. 98.
- ¹² Der Spiegel. 1976. № 45. S. 144.
- ¹³ См., например, Этнические процессы в современном мире. М., 1987. С. 13.
- ¹⁴ Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и процессы этногенеза//Расы и народы, 6. 1976. С. 57.
- ¹⁵ Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969. С. 261—262.
- ¹⁶ Rüdiger K. Das Selbstverständnis der Namibia—Deutschen nach 1945. Short Abstract S. 1. (Рукопись. Здесь и далее имеется в виду, что авторы любезно предоставили мне возможность познакомиться с неопубликованными работами).
- ¹⁷ Der Reiter von Südwest. 1927. № 1. S. 4.
- ¹⁸ Archiv der Sam-Cohen Bibliothek. Swakopmund. Gedichte. Äusserungen. SWA.
- ¹⁹ Rüdiger K. Op. cit. S. 2.
- ²⁰ Namibia National Archives. Windhoek. SWA-Accessions. A 221. V. 188.
- ²¹ Allgemeine Zeitung. Windhoek. 22.10.1981.
- ²² Namibia National Archives. Windhoek. SWA-Accessions. A 437. V. 2.
- ²³ Ibid. V. 5.

²⁴ Bertelsmann W. Op. cit.

²⁵ Vom Schutzgebiet bis Namibia. 1884—1984. Windhoek, 1984.

²⁶ См., например, Козлов В. И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития//Вопр. истории. 1968. № 9. С. 97.

²⁷ Крюков М. В. Указ. раб. С. 60.

²⁸ Pütz M. Südwesterdeutsch in Namibia: Sprachpolitik, Sprachplanung und Spracherhalt. (Рукопись).

S. 24

²⁹ См., например, Этнические процессы в современном мире. С. 45.

³⁰ Grefschel V. Südwester Deutsch — Eine Kritische Bilanz. (Рукопись). С. 44.

³¹ См., например, Крюков М. В. Указ. раб. С. 58—59.

³² Rüdiger K. Op. Cit. S. 3.

³³ Ibid. S. 4.

³⁴ См., например, Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. М., 1987.

Определенное внимание, надо сказать, уделялось и иммигрантам из одних стран Запада в другие — например, Павленко А. П. Европейские иммигранты в Великобритании//Расы и народы. 1976.6. С. 162—173.

³⁵ См., например, Филатова И. И. Европейская община Кении и английская колониальная политика (1945—1963)//Тропическая Африка: проблемы истории. М., 1973. С. 207—238.

³⁶ Этнические процессы в современном мире. С. 11.

³⁷ Павленко А. П. Указ. раб. С. 172—173.

German Community in Namibia: the Raising of Sub-ethnos (on the Field Materials)

The principal factors which influenced raising of ethnic self-identification of German community in Namibia are considered in the paper. Historical aspect is reconstructed on the base of archive and literature data, modern one — on author's poll in Swakopmund and Windhoek in April — June 1991. It is proved that Germans in Namibia can be marked as sub-ethnos of German mother ethnos but with specific features in language, culture, ideology and policy.

A. S. Balezin